

Михаил Ирин

НЕДЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

ФЕДЬКИ

МАРТЫНОВА

ИСТОЧНИК
ЖИЗНИ

УДК 283/289
ББК 86.376
И802

Ирин, Михаил
И802 Недетская жизнь Федьки Мартынова / Михаил Ирин. —
Заокский : Источник жизни, 2020. — 224 с.

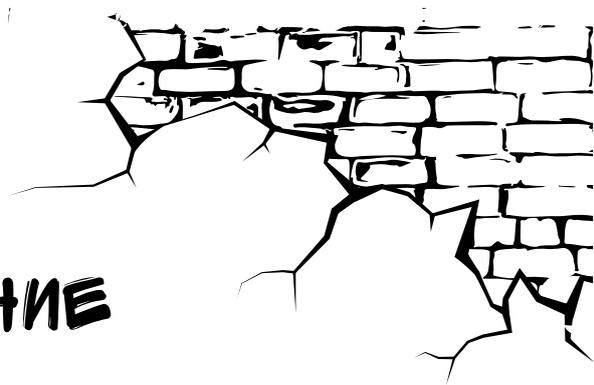
ISBN 978-5-00126-104-9

Повесть о мальчике, на долю которого выпало слишком много «взрослых» проблем.

Эта книга — о вопросах и поиске ответов, об определении жизненного пути, о свободе выбора и развитии той тонкой и деликатной материи, что мы называем душой.

Данная книга будет полезна не только молодым людям, но и их родителям; она даст им возможность увидеть, что жизнь их детей далеко не всегда бывает «детской», как и у героя данной повести.

УДК 283/289
ББК 86.376

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5

Часть первая. Кровь за кровь

Глава 1. Воспоминания	9
Глава 2. Необъяснимое.....	16
Глава 3. Колокол.....	22
Глава 4. Дом с красной крышей.....	32
Глава 5. Стасик.....	39
Глава 6. Сад на пустыре.....	45
Глава 7. Булочки.....	51
Глава 8. Новенький.....	60
Глава 9. Дружок.....	70
Глава 10. Возмездие	80

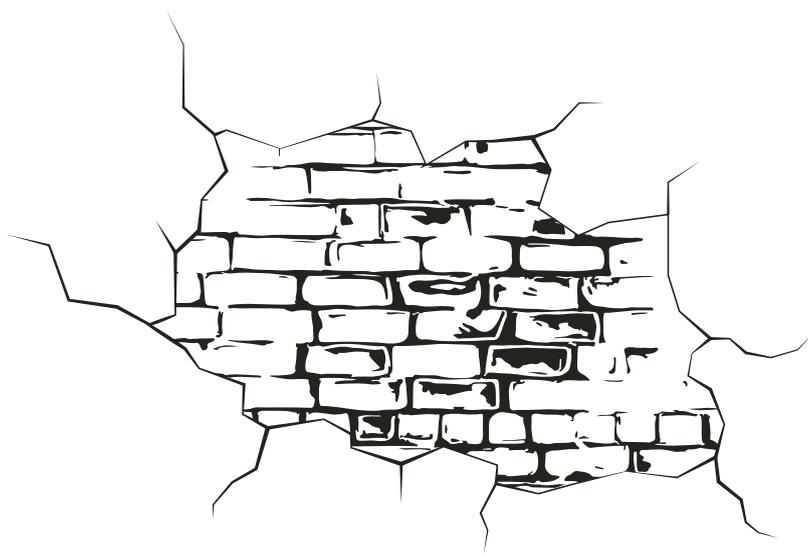
Часть вторая. Кодекс чести

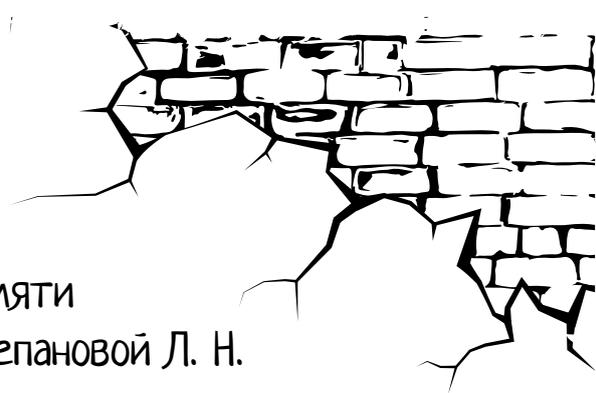
Глава 1. На новом месте.....	85
Глава 2. За главного	95
Глава 3. В лагере	104
Глава 4. Книга в зеленой обложке	111
Глава 5. Под открытым небом	117
Глава 6. Возвращение.....	123
Глава 7. Диссидент.....	128
Глава 8. «Пушкин»	135

Глава 9. Око за око.....	142
Глава 10. Старые знакомые.....	150

Часть третья. Дом у дороги

Глава 1. Новая жизнь.....	159
Глава 2. Епископ	166
Глава 3. Свобода совести.....	170
Глава 4. Китайский чай	178
Глава 5. Шаг вперед	186
Глава 6. «Сцапали!»	192
Глава 7. Критика чистого разума.....	199
Глава 8. Ветер перемен	204
Глава 9. «Обещание доброй совести».....	212
Пятнадцать лет спустя (вместо эпилога)	221

Посвящается
светлой памяти
Степановой Л. Н.

ОТ АВТОРА

Кто-то из великих заметил: «Хочешь поссориться со всеми родственниками — напиши автобиографию». Это объяснимо, ибо каждый человек видит события в своем личном, лишь ему доступном свете. Тем не менее я готов рискнуть, поскольку потенциальная польза данной книги, на мой взгляд, превышает все возможные негативные последствия, связанные с ее публикацией.

Мотивом к созданию этой повести послужило желание (да что там желание — неумная страсть!) представить обществу внутренний мир ребенка, подростка, а затем и юноши со всеми его непростыми механизмами восприятия. Эта книга — о вопросах и поиске ответов, об определении жизненного пути, о свободе выбора и развитии той тонкой и деликатной материи, что мы называем душой.

При работе в подобном жанре у автора всегда возникает искушение что-то «исправить», «подкрасить», представить героя в более выгодном свете. Спасение только в одном — смотреть на происходящее «со стороны», писать, как о чем-то постороннем, не имеющем отношения к человеку, держащему в руке перо. Поэтому форма данного повествования представлена в виде описания от третьего

лица. Книга не «основана на событиях жизни», это и есть сама жизнь. Все представленные события действительно имели место в указанные годы; я лишь изменил имена, географические названия и придал повествованию художественную окраску.

Данная книга будет полезна не только молодым людям, но и их родителям; она даст им возможность увидеть, что жизнь их детей далеко не всегда бывает «детской», как и у героя данной повести.

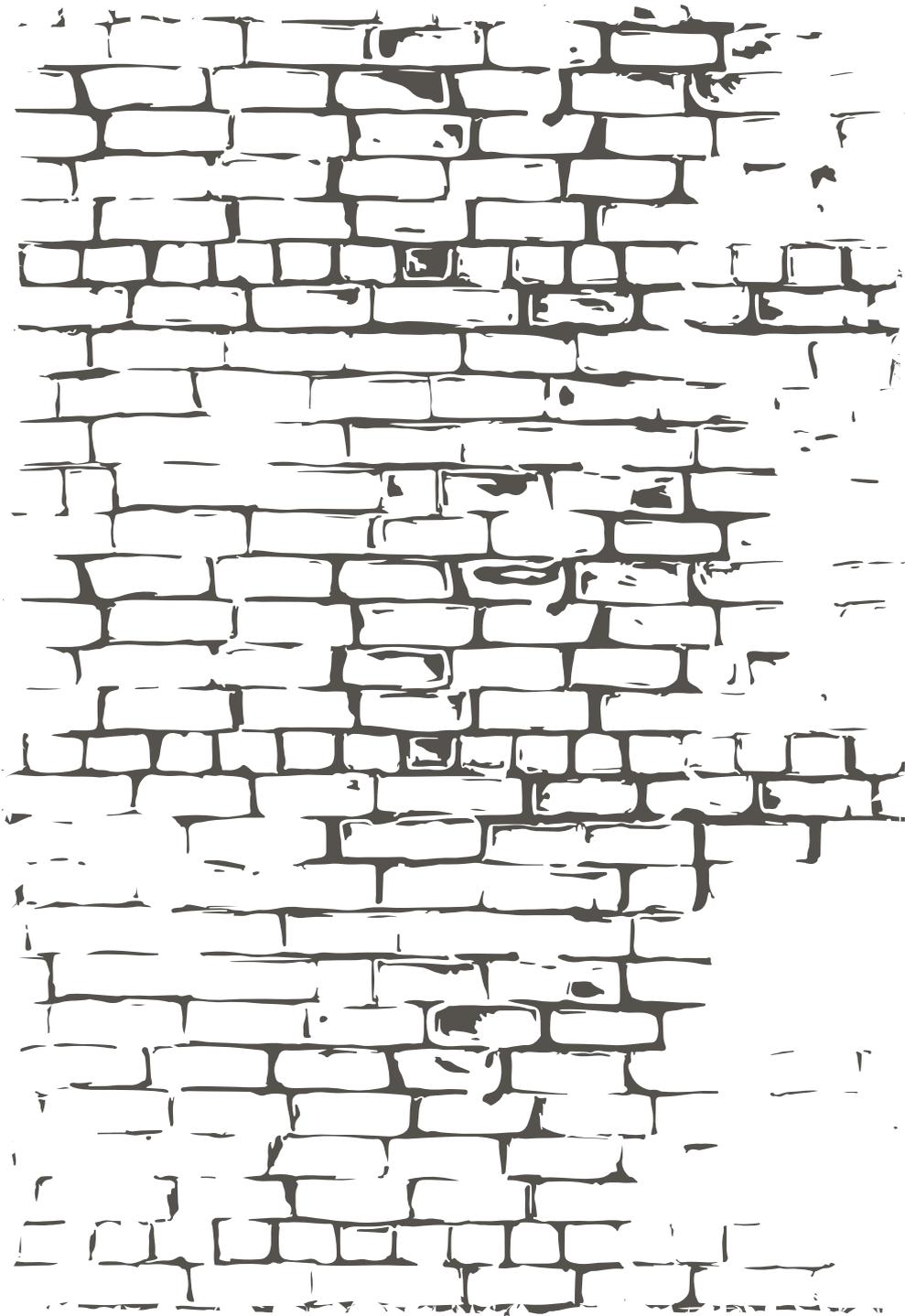

Часть 1

КРОВЬ

ЗА КРОВЬ

Глава 1

ВОСПОМИНАНИЯ

Ночной пассажир. — Смутное время. — Беззаботное детство. —
Школьные будни. — Литературный спор. — Счастливый конец

Вагон сильно трянуло. Сонные пассажиры заворочались на полках. Кто-то спросонья грязно выругался. Однако через минуту вновь воцарилась тишина. В тот поздний час из всего вагона не спали только двое: проводник поезда № 112 и замерший на верхней полке мальчишка с босыми ногами и светлой челкой, падающей на глаза; время от времени ему приходилось вскидывать голову и резким движением руки отбрасывать легкие пряди со лба. Он приподнял голову и прислушался. Колеса мерно стучали на рельсовых стыках. Внизу было тихо. Мать с бабушкой, намаявшись за день, крепко спали. На соседней полке, с головой закутавшись в одеяло, размеренно дышала сестра. Мальчуган свесил ноги, поболтал ими в воздухе и легко соскочил вниз.

Так странно было ощущать под собой дрожащий пол вагона — словно оказался внутри какого-то огромного животного, чувствуешь его дыхание и удары сердца... Да и разве только это казалось странным? Нет ничего таинственнее ночного поезда, который мчит тебя неведомо куда. Хотя почему это неведомо? Ведомо куда — на Ставрополье; вер-

нее, сначала в Самару, там, говорят, большая узловая станция, придется делать пересадку, так как прямой «ветки» нет. А это значит — опять беготня с чемоданами, а на вокзале обязательно привяжется патруль: «Гражданочка, документики приготовьте, будьте добры... И вы тоже, девушка. Так, Мартынов Фёдор — это кто?» Мартынов Фёдор — это он. Только он терпеть не может, когда его называют Фёдором. Звучит это как-то по-казенному. Для друзей, да, впрочем, и для всех остальных, он — Федька. Ну или, как его называл когда-то Лёшка Филонов, Мартын... И несет он это имя по жизни уже шестнадцать лет. Ну, конечно, не выглядит он на шестнадцать! Так, тринадцать от силы... Худой, маленький, курносый, уши торчат... хорошо хоть прическа прикрывает...

Федька усмехнулся, вспомнив, как отец постоянно удивлялся его худобе. И в кого он такой? Тут вариантов немного. Мать — обычного телосложения, остается сам отец. Он с ними не едет, ждет уже на месте, в новом доме, новом городе, новой стране.

Ставрополье... Звучит даже как-то волшебно. Как «Лукоморье» у Пушкина. Два месяца назад Федька спросил у матери:

— Мам, а почему именно туда? Страна-то большая...

— Родня у нас там. Дальняя, а все же... Сестру мою двоюродную помнишь? Хотя откуда... ты ее никогда и не видел...

Федьке было все равно куда ехать, лишь бы уехать. Вырваться из страны, в которой он родился и которая внезапно стала для них чужой. Сперва все было хорошо: люди учились, работали, строили дома, рожали детей и были уверены в завтрашнем дне. А сами дети благодарили страну и товарища Сталина за свое счастливое детство. Но тут гря-

нул 91-й год, Советский Союз благополучно «развалился», а через границу полезли бородатые мужики с автоматами. Тогда-то Федька впервые и услышал слово «кризис». Кризис этот проявился во всем: сначала исчезли из обращения привычные советские рубли, их заменили цветными бумажками с незнакомыми портретами и надписями не по-русски; затем миллионы людей лишились работы, а старикам пенсию стали выдавать не деньгами, а продуктами — полмешка муки и пачка сахара на месяц. Мать потом часто говорила: «Хорошо, что мы бабушку к себе забрали, одна бы она не выжила!» Федька тоже считал, что да, конечно же хорошо. Их бабушке повезло, у нее были дети. Но они были не у всех стариков.

Закончилось все это тем, что в школе помимо английского и немецкого языков пришлось изучать еще один — странный и непривычный. Федька так никогда и не смог понять, для чего он был нужен, хотя изучал новый предмет прилежно, даже был одним из лучших учеников в классе.

Помимо «кризиса» в обиходе появилось и другое слово: «национализм». Что это такое, Федька точно сказать не мог. Кто знает, тот поймет. Спустя пятнадцать лет взрослый Фёдор попытался объяснить его своей жене.

— Понимаешь, это когда одна нация ненавидит другую. Ну, просто за то, что они есть...

— Геноцид? — подсказала жена.

— Не совсем, — задумался Федька. — Но национализм может привести к геноциду!

В любом случае их переезд предвещал только лучшие перемены, нес в себе облегчение, спокойствие, надежду.

Федька подошел к окну. За стеклом разливалась чудесная синяя ночь; дополняла волшебную картину ярко-желтая луна, висевшая над полями. «Знаете ли вы украинскую ночь?» — вспомнил Федька из школьной программы. Нет, он не знал. Он и Украины-то самой не видел, да и вообще

дальше ста километров от дома не уезжал. А тут трясутся они уже целые сутки и даже границу еще не пересекли...

Федька глотнул минералки из пластиковой бутылки на столике. Противно, теплая... Да и вообще, хочется не пить, а есть. Но не станешь же шуршать пакетом в поисках продуктов; чего доброго, проснется мать: «Все нормальные люди спят, а ты полуночицаешь!» Но он же выпался еще днем! А в поезде, как утверждал его двоюродный брат, только два занятия: или спишь, или ешь.

Федька протиснулся между столиком и нижней полкой, осторожно присел на краешек. Кто знает, как там встретит его чужая страна... Хотя здесь — тоже уже чужая... Он подпер голову ладонью, закрыл глаза и прислушался к перестуку колес. Колеса отнеслись с пониманием, начали нашептывать мальчишке слова, нашептывать воспоминания...

* * *

Детство свое Федька помнил плохо. Вернее, нечего было особо вспоминать. Детство как детство, свои радости, свои печали, в общем, обычная жизнь обычного мальчишки из 90-х... «Лихих 90-х», как частенько говорили по телевизору. В чем была лихость этих лет, Федька не понимал, он считал, что его страна — самая лучшая, школа — самая хорошая, а детство — самое счастливое. Спустя годы Федька покопался в памяти и ужаснулся: сколько было горя, боли и жестокости; ну а в те юные времена казалось, что жизнь не так уж и плоха и проблем особых нет, если не считать школу...

В первый класс он идти боялся — отчаянно, до слез, крика и истерик. Не помогали никакие уговоры и «взрослые» слова по поводу необходимости знаний и прочего. Не помог и тот факт, что Вера, его сестра, училась в старших классах этой же школы. Поэтому от белых бантов, звуков школьного вальса и первоклашек с астрами Федьку бросало в дрожь и в тридцатилетнем возрасте.

Несмотря на все свои страхи, первый учебный год Федыка окончил на круглые пятерки. Возможно, так же окончил бы и второй, если бы не одно непредвиденное обстоятельство. Как это часто бывает, сменился классный руководитель, и вместо любимой Марии Филипповны за учительский стол уселась молодая самоуверенная девушка со странным именем: Изабелла Викторовна. За что она невзлюбила Федыку — непонятно. Впрочем, он отвечал ей взаимностью.

Федыка не помнит, когда он научился читать. Мать утверждала, что в четыре года, самому ему казалось, что еще раньше... Так или иначе, с ранних лет маленький Федя получил доступ ко всем книгам, до которых мог дотянуться. На нижних полках книжного шкафа стояли преимущественно детские книги, и это до поры избавило Федыкину маму от «неудобных» вопросов. Однако по мере того, как увеличивался рост ее сына, увеличивались и литературные познания самого Федыки. И так, еще до школы он успел познакомиться не только с Гайдаром, Кассилем и Лондоном, но и с такими авторами, как Ростан, Шекспир, Мопассан и О. Генри. Сам Федыка каким-то достижением это не считал, и подобные литературные предпочтения доставляли ему больше проблем, чем радости. Именно из-за этого и произошел тогда первый скандал с Изабеллой.

На уроке чтения (да, во втором классе это называлось именно так!) Федыка сидел, наклонив голову, и мирно читал «Всадника без головы» Майна Рида. Весь класс, спотыкаясь, брел по страницам рассказа Толстого «Какая бывает роса на траве», а Изабелла, подобно хищному коршуну, грозно парила над учениками. Внезапно она выхватила книжку из рук Федыки.

— Эт-то еще что такое?!

Федыка мрачно поднялся. Ругаться с Изабеллой он не любил, но, видимо, придется.

— Верните, — глухо сказал он. — Это мое.

Изабелла Викторовна прищурилась.

— Твое, говоришь? А почему это у нас весь класс Толстого читает, а у Мартынова какая-то посторонняя литература?!

— А что мне еще читать? «Родную речь», что ли? Да я ее всю прочел спустя полчаса, как нам учебники раздали... Чего я там не видел? Рассказы Михаила Зощенко?

— Ты мне поговори!

Изабелла так хлопнула классным журналом по столу, что с того посыпалась труха.

— Нашелся мне тут... литературный критик! С учителем он будет спорить! Дневник на стол — и марш за дверь!

Перед лицом притихшего класса Федька достал из портфеля дневник, демонстративно швырнул его на стол и вышел, хлопнув дверью. Закончилась для него эта история «неудом» в дневнике, неприятным разговором в учительской в присутствии родителей и испорченными отношениями с Изабеллой на все время ее работы в школе. Впрочем, пробыла она там недолго — ее амбиции и непростой характер сделали свое дело, и спустя два года Изабелла Викторовна покинула среднюю школу №12 маленького городка, затерянного в степях Средней Азии.

Глава 2

НЕОБЪЯСНИМОЕ

Старый дом. — Молитва на клочке бумаги. — Загадки бытия. —
Спиритический сеанс. — Столкновение с неведомым

Почти все свободные дни детства Федька проводил у бабушки. Так здорово было вырваться из бетонного плена новостроек, из духоты верхних этажей и несколько дней дышать вольным воздухом деревенских садов! Хотя где кончалась деревня и начинался город, определить было довольно трудно; незримая граница существовала лишь на официальных картографических схемах. Доходило до абсурда: одна сторона улицы считалась городской, а другая — сельской. Все это, впрочем, не мешало Федьке наслаждаться днями, проведенными в старом, обветшалом, но таком милом сердцу домишке. Дом этот строил еще бабушкин отец, стало быть, Федьке он приходился прадедом. В те давние времена строительство домов было делом рук самих обывателей, и строгие правила этого ремесла соблюдались далеко не всегда. Так и стояли эти постройки — покосившиеся, с истлевшими ставнями и фундаментом, вросшим в землю. Вечером каждого дня бабушка закрывала ставни, отчего в комнате

возникал таинственный полумрак, который разбавлялся лишь слабым мерцанием лампадки в углу над темными образами.

Тогда-то маленький Федя и услышал впервые слово «молитва». Захлопнув ставни, бабушка завернула за угол дома, на ходу доставая из кармана старый, сложенный вчетверо листок бумаги. Федька увязался за ней.

— Баб, ты куда?

— Как всегда, внучек, молитву читать...

— Чего-чего? — не понял Федька.

— Ну, молитву, — бабушка, казалось, смутилась. — Вот, гляди...

Она развернула листок. Федька увидел несколько строк, написанных в столбик, как стихотворение.

— Ясно, — протянул он. — Только слова непонятные... Как не по-русски написано.

— Это старый, церковный язык, — назидательно произнесла бабушка. — Вся Библия на нем написана. Вот я каждый вечер вокруг дома и обхожу, молитву читаю, чтобы Господь от всех бед защитил.

Федька удивился. Зачем писать Библию на языке, который никто и прочесть-то не может, не то чтобы понять... Однако мысли эти он оставил при себе и лишь осторожно спросил:

— И что, помогает?

— А как же! — живо откликнулась бабушка. — Раньше-то у меня цыгане все время кур воровали, а сейчас все тихо!

— Это потому, что у тебя кур больше нет! — засмеялся Федька.

На это бабушка не нашла что ответить.

Вернувшись в дом, она поманила Федьку к себе.

— Послушай, Феденька, что я скажу. Я каждый день, утром и вечером, перед этими иконами молюсь, и Бог мне помогает. Молись и ты тоже.

— А как? — оробел Федька. — Я не умею...

— Хочешь, я тебя научу? — спросила бабушка.

— Хочу... — почему-то шепотом произнес Федька.

— Тогда повторяй за мной: «Отче наш, иже еси на небеси...»

Федька выслушал молитву вни-

мательно, не перебивая.

— ...А в конце скажи три раза: «Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй!» Запомнил?

— Запомнил... — Федька почесал нос. — А почему в конце — три раза? Одно и то же ведь...

Бабушка задумалась.

— Не знаю, Федь. Так полагается. Не мы эти правила придумывали, не нам их и изменять. Давай-ка, ложись сюда, на перинку, поздно уже...

Федька лег, но сон к нему не шел. Впервые в жизни он соприкоснулся с тем, чего нельзя объяснить. Иконы, молитвы на непонятном языке, фразы, которые надо заучивать... Надо — кому? И для чего?

Тему религии Федька открыл для себя еще в глубоком детстве. Возвращаясь с матерью из детсада и глядя в темное морозное небо, он внезапно поинтересовался:

— Мам, а откуда все это?

— Что именно? — переспросила мать.

— Ну все... что вокруг. Небо, облака, звезды, кусты, земля... Откуда?

Федькина мама глубоко вздохнула, собралась с мыслями и произнесла мудрую фразу:

— Есть разные мнения, Федь. Одни считают, что все появилось само, постепенно...

— Чепуха! — оборвал ее Федька. — Просто так ничего не появляется!

— ...А другие думают, что все создал Бог. Таких людей называют верующими. Потому что они в Него верят.

Федька задумался и долго молчал. Потом спросил:

— А ты верующая?

— Я? — замялась мать. — Думаю, да...

— Я, наверное, тоже, — тихо признался Федька.

То, что мать во что-то верила, сомнению не подлежало. Иначе не было бы дома столько книг на тему непознанного. И ладно бы что-то одно, но как можно читать книги, которые явно противоречат друг другу? На журнальном столе в родительской спальне можно было найти труды Бердяева и Николая Рериха, «Закон Божий» и «Тайную доктрину» госпожи Блаватской... Вслед за матерью потихоньку перечитывал эти книги и Федька. Понял далеко не все, но главное уяснил: мир не так прост, как кажется, и в нем порой проявляют себя неведомые силы. В чем вскоре пришлось убедиться не только Федьке и матери, но и всей семье.

Все началось с «невинного» общения с душой умершего дедушки, маминого отца. Так, по крайней мере, рассказывала Федьке мать. Сам он при этом не присутствовал, чему был несказанно рад. Собрались как-то четыре женщины: Лариса (сестра матери), Светлана (двоюродная тетя Федьки), Ольга (их коллега) и сама Федькина мама. На стол поставили доску для спиритических сеансов. На нее — блюдце, которое должно было (в теории) перемещаться по буквам, написанным на доске. В комнате погасили свет, и подружки взялись за руки. Дело было глубокой ночью.

Вызвали дух дедушки. Блюдце шевельнулось. Побелевшими губами мать прошептала: «Папа... Ну как там?» «Холодно!» — начертило блюдце. И тут всех словно прорвало; посыпались вопросы: «Кто будет следующим президентом?», «Как попасть в рай?», «Какая судьба ждет наших детей?..» Блюдце летало по доске.

«Папа, — деловито поинтересовалась Лариса, — а какой жизненный путь предначертан мне?»

«Работа!» — был дан ответ.

Тетя Лариса действительно проработала всю жизнь на благо семьи. Была редактором газеты, в 90-е занималась коммерцией, и даже выйдя на пенсию, продолжала работать на дому. В 64-летнем возрасте она умерла от остановки сердца.

Потом вызывали умерших актеров, композиторов, политиков. Задавали самые разнообразные вопросы. Кто-то «отвечал» серьезно, кто-то откровенно издевался.

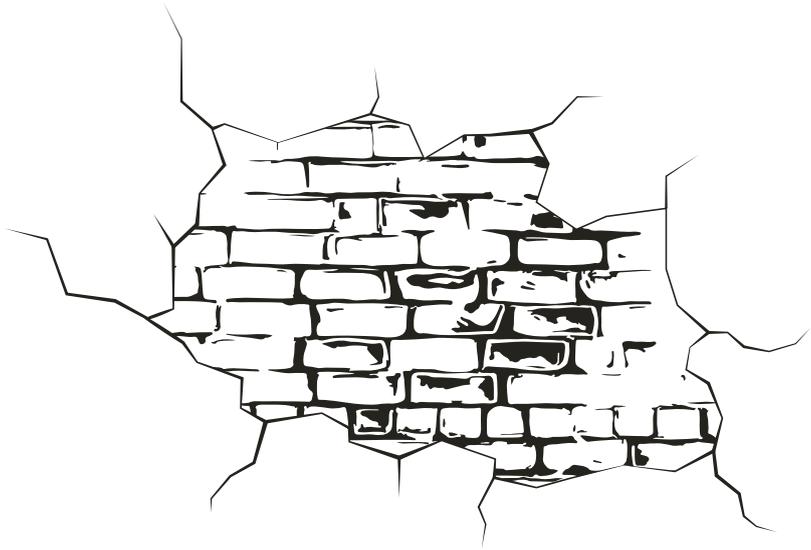
Сеанс закончился, но история только начиналась. Через пару дней в Федыкиной квартире раздался отчетливый стук. Причем стучали явно не в двери. Усмехнувшись, Федыкина мама постучала в ответ. Кто-то невидимый принял эту игру. Стук раздался снова. Случилось то, что эзотерики называют словом «контакт».

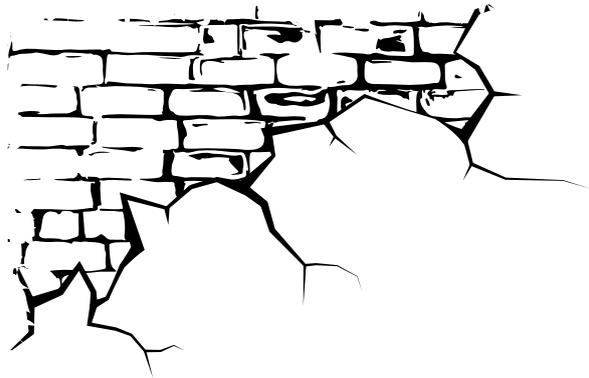
С того дня жизнь превратилась в сущий кошмар. Стук преследовал семью всюду — на кухне, в спальне, на балконе, в ванной... Когда Вера, Федыкина сестра, открыла платяной шкаф, чтобы достать белье, ее «поприветствовали» глухими ударами из глубины шкафа. Побледневшая Вера вылетела из квартиры как пробка. Одеваться девушке пришлось на лестничной площадке. Примечательно, что в присутствии в квартире посторонних все прекращалось. Но стоило семье вернуться в комнаты, стуки возникали вновь, на кухне падала посуда, предметы самостоятельно перемещались.

Мать особо не паниковала, она говорила, что таким образом с ними общается душа дедушки. Федыка же (при всем уважении к дедушке) прямо заявлял, что в квартире завелась нечистая сила. Так или иначе, но нервы у всех расшатались. Вера казалась подавленной, у Федыки начались истерики.

Проснувшись как-то ранним утром, Федыка прислушался. Тишина в квартире насторожила его. Пролежав минуту не шевелясь, он понял, что подтвердились его худшие опасения: в квартире он находился один. Боясь

представить, что сейчас начнется, он крепко зажмурился. «Бог помогает...» — вспомнились ему слова бабушки. «И то верно!» — решил Федька и начал: «Отче наш, иже еси...» Через мгновение в замке заскрежетал ключ — вернулась мать. Федька вздохнул и вытер холодный пот со лба.

Глава 3

КОЛОКОЛ

Родня. — Соблазнительное предложение. — Сомнительный заработок. —
«Рыбалка». — Преступление и наказание. — Планы мести

Сколько все это продолжалось — месяц, год или больше, Федька не помнит. Мелькают только в памяти смутные картины: везут его к какой-то знахарке, та капает воском на воду, целует Федьке лоб, сплевывает, что-то шепчет... Это называлось «выливать испуг». Квартира стала для Федьки чужой. Все больше времени он проводил в доме у бабушки, играя с двоюродным братом Лёнкой, сыном той самой тети Ларисы; его привозили на выходные. Лёнка был не единственным ребенком в семье. Его старшему брату, Денису, уже стукнуло восемнадцать, но в армию идти он не собирался и также проживал у бабушки, скрываясь от сотрудников военкомата. Учиться он не хотел, работать — тоже, зато с радостью предавался утехам современной молодежи, обильно принимая алкоголь, а иногда и что покрепче. Лёнка по стопам старшего брата идти не спешил и предпочитал проводить время за играми с Федькой, благо разница в возрасте составляла всего четыре года. Однако, несмотря на свою внешнюю благообразность, Лёнка в полной мере был похож на героя поговорки о тихом омуте. Прослышав, что непо-

далеку открылся первый в городе пункт приема цветных металлов, он подозвал к себе Федьку:

— Федь, помнишь, ты себе часы электронные хотел? Так вот, дело одно есть...

— Что за дело? — доверчиво спросил Федька.

Лёнька подошел к соседскому забору, на глаз определяя его высоту.

— Видишь, там на дереве висит штуковина какая-то железная. Как стемнеет — я тебя через забор перекину, ты веревку перережешь, заберешь эту штуку и мне передашь. Мы ее на металл сдадим — денег заработаем!

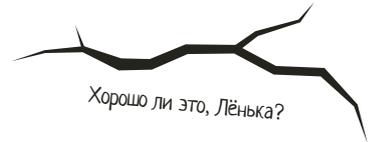
— Хорошо ли это, Лёнька? — усомнился Федька — Двор-то не наш, соседский...

— Какая тебе разница! — воскликнул Лёнька. — Зато часы себе купишь, ты же давно мечтал!

В сумерках братья подкрались к забору.

— Готов? — прошептал Лёнька. — Тогда вперед! На, держи ножик.

Он перекинул худенького, легко-го как перышко братишку через забор, а сам, усевшись на землю, стал зорко смотреть по сторонам. Приземлившись на той стороне, Федька потер ушибленную коленку, прополз сквозь заросли малины и оказался у заветного дерева. Достав из кармана нож, шестилетний Федя совершил первое в своей жизни преступление; полоснув лезвием по веревке, он едва успел подхватить тяжелый металлический предмет, оказавшийся увесистым медным колоколом. Его предназначения Федька так никогда и не смог понять: корове такой на шею не повесишь — слишком велик, а для церковной колокольни — напротив, мал... Однако раздумывать было некогда. Перехватив поудобнее свой трофей, Федька побрел к забору. Обратный путь оказался гораздо труднее — подтолкнуть парнишку было некому, и ему пришлось ка-

рабаться наверх самостоятельно, одной рукой прижимая к себе тяжелый колокол. Внизу Лёнька подхватил обессиленного брата.

— Молодец, Фёдор! Тяжелая штукавина... Ничего, завтра загоним!

— А часы мне купишь? — насторожился Фёдка.

— Куплю, куплю... Мы же договорились!

Лёнька не обманул. На следующий день, получив за колокол двадцать рублей, он щедро отсчитал пятерку и протянул деньги Фёдке.

— Сам сходишь? Или отвести?

— Конечно сам! — нахмурился Фёдка. — Что я, маленький, что ли?

Ларек, где торговали всякой мелочевкой, находился в конце улицы. Подойдя к окошечку, Фёдка привстал на цыпочки.

— Мне, пожалуйста, часы электронные, — вежливо попросил он. И добавил: — Черные...

Полная продавщица лениво взглянула на Фёдку.

— Часов нету. Разобрали. На той неделе еще... А это что у тебя? Пятерка? Все равно не хватило бы, они по пятнадцать были...

Фёдка разочарованно посмотрел на смятую купюру в руке. И вдруг с надеждой вскинул глаза на продавщицу.

— А на шоколадку хватит? Давайте.

Домой, к бабушке, Фёдка вернулся с липкими руками и губами, вымазанными шоколадом.

— А, пришел! — воскликнул Лёнька. — Ну что, купил часы?

Фёдка отмахнулся.

— Не, закончились... Зато шоколадку взял!

— Поделиться, конечно, тебе в голову не пришло, — укоризненно произнес Лёнька.

— А с чего бы? У тебя есть пятнадцать рублей, вот их и трать. У меня была пятерка — я шоколадку захотел!

— Ладно, — примирительно сказал его брат. — Давай, пошли, на «рыбалку» пора.

«Рыбалка» была их своеобразной ежедневной повинностью. Только речь шла отнюдь не о карасях и карпах. Денис, Лёнькин брат, вконец обнаглев, заставлял ребят где угодно доставать ему табак для самодельных папирос. Вот им и приходилось выуживать из придорожной пыли брошенные окурки, разрезать их, аккуратно высыпая содержимое на чистый белый лист. Окурки попадались разные — белые, желтоватые, со следами помады на фильтре... Толстые и тонкие, короткие и длинные — они действительно чем-то напоминали мелких рыбешек. Из-за необходимой внимательности и скорости реакции это занятие и прозвали «рыбалкой». Федька обычно проходил по одной стороне улицы, его брат — по другой. Встретившись, они подсчитали «улов».

— У тебя сколько? — спросил Лёнька.

— Немного. Три всего. А у тебя?

— Тоже не очень... Пять.

— Значит, всего восемь, — подытожил Федька, произведя нехитрые вычисления на пальцах. — Мало! Вчера было двенадцать.

— Мало, — согласился Лёнька. — Дениска опять лупить будет.

Федька со страхом поежился. За то, что ребята «не выполняли план», Денис щедро раздавал тумачи, жалея, впрочем, родного брата, так что все доставалось Федьке. Так произошло и в этот раз.

Протянув Денису самодельный бумажный пакетик, Федька испуганно сжался, втянув голову в худые плечи. Денис, придирчиво взвесив пакет на руке, нахмурился.

— Мало! — произнес он знакомое ребятам слово. — Филоните, господа. Поучить вас придется! Федёрка, ну-ка иди сюда!

— Нет! — пискнул Федька.

Денис схватил его, притянул к себе, крепко сжал голову своими коленями.

— Ты знаешь такой прием? Называется «ловушка для шакалов»...

— Не надо, Ден, — забеспокоился Лёнька. — Теть Зина узнает, не надо...

— А ну помолчи! — огрызнулся тот. — Наплевать мне и на тетю Зину, и на всех остальных. Никто мне не указ...

— Отпусти, — захныкал Федька. — Бабушке расскажу! Отпусти!

— Ничего ты, малявка, не расскажешь! — захохотал Денис. — И бабушка ничего мне не сделает, она сама меня боится!

Это была правда. После смерти дедушки (он умер, когда Федьке было всего три года) бабушка внезапно сникла, еще больше постарела и стала сторониться Дениса, на которого дед имел хоть какое-то влияние. Напившись однажды, Денис подошел к ней с требованием денег — ему не хватало на сигареты. Получив отказ, он подскочил к ней и стал грубо ее трясти:

— У тебя же есть еще пенсия, я знаю! Ты ее в тумбочке под телевизором прячешь... Давай, говорю!

— Дурень! — прямо заявила ему бабушка. — И в кого ты только такой? Растила-растила тебя... Кормила, одевала. А ты теперь вот так...

— Давай! — заревел пьяным голосом Денис. — Не то я тут вас всех порежу, как щенят! У меня нож есть, ты знаешь, Боря с зоны принес! И тебя зарежу, и Федьку твоего!

Бабушка швырнула ему деньги, отделавшись двумя сломанными ребрами.

Насилу вырвавшись из лап старшего брата, Федька, с глазами, полными слез, бросился за дом, к пустому курятнику. Там, под навесом с гнилой крышей, скорчившись на охапке прелой соломы, он не раз и не два прятался от обезумевшего Дениса. Спустя полчаса туда заглянул и Лёнька.

— Ты здесь? Я так и думал. Не бойся, можно уже выходить, Дениска уехал куда-то. Посмотри лучше, что я у него увел!

Лёнька разжал кулак. На его ладони Фёдька увидел длинную белую сигарету. Воровато оглянувшись, Лёнька достал из кармана коробку спичек и хитро подмигнул Фёдьке.

— Ничего, сейчас запалим! Да не реви, попробуй лучше, говорят, это помогает...

Набрав полный рот дыма, Фёдька вопросительно уставился на брата.

— Ну, — подбодрил его Лёнька. — Теперь вдыхай резко, как воздух.

Фёдька последовал совету, но не сдержался, закашлялся и отчаянно замотал головой.

— Не, не помогает, — наконец выговорил он. — И как Денис их курит? Как по мне — так просто ужас...

— А мне нравится! — забрал у него сигарету Лёнька. — С непривычки сперва плохо было, голова кружилась, а теперь — ничего!

— И зачем это тебе? — спросил Фёдька.

Лёнька задумался, хмыкнул, но никакого объяснения, видимо, придумать не смог.

— Ладно! — рассмеялся он. — Ты это... Давай выходи, а то бабушка искать будет.

— Ага, я сейчас, — вздохнул Фёдька. — Только посижу еще немного...

— Душевные раны будешь зализывать? — ухмыльнулся Лёнька. — Ну давай сиди...

Фёдька привалился к теплым, пахнущим смолой доскам. Ему нравилось быть здесь. Просто сидеть в тишине, наблюдать, как сквозь щели в стене пробиваются солнечные лучи, думать о чем-то постороннем или вообще не думать — такое тоже иногда получалось.

Фёдька внезапно поморщился и потер правую сторону груди. Болит, зараза! Аккуратно расстегнув две пуговицы

на рубашке, он отогнул край воротника, обнажив тонкий длинный рубец, как будто кто-то приложил к ребрам раскаленную спицу.

— Спасибо, Дениска! — с издевкой прошептал Фёдка. — И тут ты постарался!

Все произошло пару недель назад. Бабушка попросила внуков нарвать вишни для компота. В конце огорода раскинулись два пышных дерева с бордовыми ягодами, и ребята довольно быстро наполнили небольшое ведро, однако Лёнке этого показалось мало. Свистнув, он обратил внимание братишки на точно такое же дерево, росшее, однако, по ту сторону забора.

— Лёнка, опять?! — возмутился Фёдка. — Это же соседская вишня! Тебя как тянет...

Лёнка безразлично пожал плечами.

— Как хочешь. А только посмотри, сколько там ягод. И все крупные, как на подбор! Тебе только на забор нужно забраться и вон ту ветку наклонить... Давай, ты маленький, как раз пролезешь.

Дикая боль
прошила все тело.

Фёдка осторожно пополз по толстому суку, нависшему над забором. Забор был высокий, сваренный из тонких металлических прутьев. Они причудливо переплетались,

образуя прочную решетку. Острые концы прутьев где-то торчали вверх, как пики, а кое-где были согнуты. Фёдка потянулся к ветке, но не удержался и сорвался вниз. Дикая боль прошила все тело. Заставив себя открыть глаза, Фёдка тут же зажмурился вновь. Ботинки его болтались в двадцати сантиметрах от земли. На грудь навалилась непосильная тяжесть. По животу разливалось что-то теплое и противное. Сильно кружилась голова. Он не слышал истошных криков Лёнки, не видел бледного лица тети Ларисы, которая снимала его с забора (Фёдка повис

на нем, зацепившись ребром за торчащий штырь). Очнувшись он в комнате, на бабушкиной кровати. Из кухни доносились громкие голоса.

— У тебя же есть аптечка! — возмущалась тетя Лариса. — Дай хоть бинт с йодом, ребенок кровью истекает!

— Да мне... все равно! — отвечал Денис. — Пускай хоть помирает...

— Души в тебе нет! — в сердцах бросила его мать.

— Нет! — сумрачно подтвердил Денис. — Была душа, да вся вышла! Я ее в карты дьяволу проиграл... Куда?!

Тетя Лариса ухитрилась прошмыгнуть у него за спиной и бросилась к серванту, где Денис хранил свою аптечку.

Через минуту она появилась перед Федькой с пузырьком йода и бинтами.

— Давай, Феденька, сейчас мы быстро... А этот-то ирод... Бинт для ребенка пожалел! Порой и не верится, что сын!

Она аккуратно обработала рану и туго забинтовала Федьку поперек груди.

— Ну вот... лежи, малыш, отдыхай. Господи, хоть бы заражения не было!

Федька прикрыл глаза. Неважно, будет заражение или нет. Ему вообще все равно. И даже если сейчас настал его час, что ж, он примет это безропотно, как партизаны-комсомольцы из книги «Молодая гвардия». В конце концов, он сам виноват. Нечего было за чужим добром через забор лезть. Вот и поплатился! А вот Денис действительно подлый человек. Он всем приносит только страдания. Сколько от него натерпелась бабушка! Да и сам Федька... Доставка даже Вере. В глубине души Федька подозревал, что тетя Лариса только рада тому, что Денис не живет с ними. Что ж, это вполне объяснимо: кто захочет жить с таким человеком? Одно только было непонятно: почему бабушка (которая утверждала, что Бог ей во всем помогает) не помолится и не попросит, чтобы с Денисом что-то случилось? Ну, чтобы он себе шею свернул или на своем мотоцикле

где-нибудь разбился! Федька был уверен, что плакать из-за этого никто не станет. Ведь если этот Бог такой всемогущий, то Ему ничего не стоит стереть Дениску в порошок! Или прихлопнуть, как козявку! Как будто бы его и не было! Но бабушка молчала, молчал и Бог. Может, стоит предпринять что-то самому? Ведь можно как-нибудь отомстить Денису! Жаль только, что никогда не найдется сил воплотить это в жизнь. А значит, придется терпеть. По крайней мере, до тех пор, пока он не подрастет настолько, чтобы дать старшему брату достойный отпор. А там уж он поквитается с ним за все обиды! Все припомнит! Пускай кто-то и скажет, что месть бесполезна, для Федьки это — справедливость. Обижал маленьких — получай теперь сам! Бил других — будь любезен принять то же самое...

Вопреки беспокойству тети Ларисы никакого заражения не произошло. Рана довольно быстро затянулась, оставив лишь красноватый след, который вскоре побелел. Тем не менее шрам остался у Федьки на всю жизнь. Этот случай, который едва не стал трагичным, положил начало ряду других — не менее страшных и опасных, в которых риску подвергалась Федькина жизнь; и в каждом из них он был обязан своим спасением... Федька считал, что удаче. На самом же деле — Тому Самому Богу, Который, как нам кажется, так часто молчит.

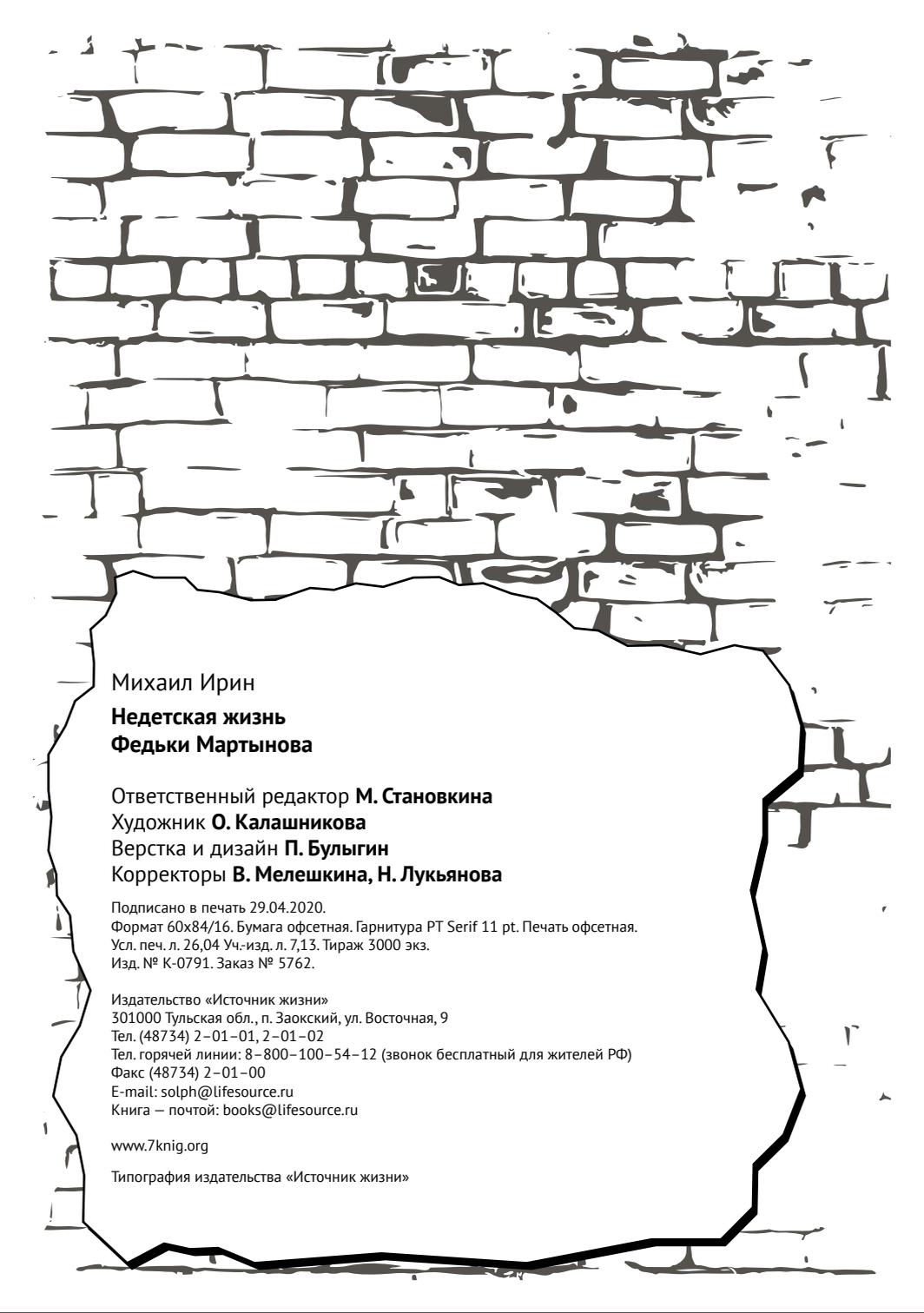
Глава 4

ДОМ С КРАСНОЙ КРЫШЕЙ

Полуденный зной. — В темноте храма. — Паломничество. — Дом у дороги. — Новый коллектив. — Обмен впечатлениями

В один из ясных летних дней, когда палящее солнце обжигает не хуже кухонной духовки, пробрался Федька под навес. Дениса дома не было, Лёньку забрали родители, и поэтому он чувствовал себя здесь полноправным и единственным хозяином. Когда-то на этом месте стоял сарай. Крыша со временем осела, осыпалась, одна стена обвалилась, а полугнившая дверь повисла на ржавой петле. Федькин дедушка не стал его тогда восстанавливать. Вместо этого он расчистил пол, подлатал оставшиеся стены, а сверху соорудил легкую наклонную крышу из кусков шифера. Так старый деревянный сарай превратился в летний домик отдыха с навесом. Внутри занесли деревянный столик, поставили две железные кровати и небольшой диван, из которого во все стороны торчали пружины. Диванчик облюбовал для себя Денис, а Лёньке с Федькой пришлось довольствоваться койками с растянутыми сетками. Однако ребята были рады и этому.

Пользуясь отсутствием старшего брата, Федька во весь рост растянулся на диване и блаженно зажмурил глаза. Поэтому он не сразу заметил, как под навес вошла бабушка и протянула ему большое красное яблоко.

Михаил Ирин

**Недетская жизнь
Федьки Мартынова**

Ответственный редактор **М. Становкина**
Художник **О. Калашникова**
Верстка и дизайн **П. Булыгин**
Корректоры **В. Мелешкина, Н. Лукьянова**

Подписано в печать 29.04.2020.

Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Гарнитура PT Serif 11 pt. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 26,04 Уч.-изд. л. 7,13. Тираж 3000 экз.

Изд. № К-0791. Заказ № 5762.

Издательство «Источник жизни»

301000 Тульская обл., п. Заокский, ул. Восточная, 9

Тел. (48734) 2-01-01, 2-01-02

Тел. горячей линии: 8-800-100-54-12 (звонок бесплатный для жителей РФ)

Факс (48734) 2-01-00

E-mail: solph@lifesource.ru

Книга – почтой: books@lifesource.ru

www.7knig.org

Типография издательства «Источник жизни»